

Валерий Муссаев

**О серьёзном и
не только...**

Валерий Муссаев

О серьёзном и не только...

«Автор»

2026

Муссаев В.

О серьёзном и не только... / В. Муссаев — «Автор», 2026

Уважаемые читатели, на этот раз в мой новый сборник вошли, как публицистические очерки, которые формулируют взгляд на окружающий нас мир и на происходящие в нём события, так и рассказы различного жанра от грустного до смешного. Буду искренне рад, если вы почерпнёте что-то новое для себя или наоборот посчитаете несколько спорными мои суждения на те или иные события и людей. Для меня читатель всегда прав.

© Муссаев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

О серьёзном и не только...

Глава 1

Страсти по Курочке Рябе 5

«Чудики» по Роршаху 7

Случай в карауле 10

Постакадемический конфуз 14

Поликлиника 20

Глава 2

Рассказ о великом одиночестве... 26

Глава 3

Особый рецепт 47

Один день простого счастья 51

О нём 55

Немного про хоккей 59

Люксембург 69

Замкнутый круг 77

Гражданский долг?! 78

Генетическое стойло 82

Viva cadets!!! 83

По шучьему велению 94

Мама 96

Глава 4

Родственные души 98

Глава 1

Страсти по Курочке Рябе.

В отпуске человек должен отдыхать, как говорится, «душой и телом».

Простая и избитая аксиома жизни.

Вот и я, вернувшись из длительной командировки, приступил к данному процессу, но то ли время сейчас такое, то ли возраст уже даёт о себе знать, но почему-то мысли о работе никак не хотели покидать мою лы-сую и седую голову.

Проснувшись в очередное отпускное утро, я решил, что лучший способ отвлечься, это думать о чём-нибудь совсем другом и несерьёзном, а может и показаться со стороны и немного дурашливом.

И тут мне на ум пришла сказка о курочке Рябе. Почему сам не знаю, может, курицу ел накануне или с утра планировал яичницу приготовить, но влез в голову именно этот сюжет:

Жили-были дед да баба. И была у них Курочка Ряба. Снесла курочка яичко, да не простое — золотое.

Дед бил — не разбил. Баба била — не разбила.

А мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось. Плачет дед, плачет баба и говорит им Курочка Ряба:

— Не плачь, дед, не плачь, баба: снесу вам новое яичко не золотое, а простое!

И здесь я завис в полном понимании этого слова.

Вопросы посыпались сами собой, как говорится, «горе от ума» или знания усугубляют скорбь.

Первый вопрос, который у меня возник — нафига они разбивали яйцо и что хотели увидеть внутри?

Неужели алмаз или другой драгоценный камень? Ведь если рассуждать здраво, то выгоднее было бы его продать целиком, больше ценности.

Вопрос второй — обо что они его били, если мышь, сбросив его на пол (по всей видимости, земляной, как правило, в старину в бедных деревнях), умудрилась разбить.

Вопрос третий — я понимаю, что это сказка, но если курица умела говорить человеческим языком (бред какой-то), то почему сразу им не сообщила, что находится в яйце, и не остановила эту попытку вандализма?

И, следующий вопрос, вытекающий из этого, какая добрая или поучительная мораль этой сказки может быть для детей, если у деда с бабкой ничего, кроме, золотых осколков от яйца не осталось, поэтому они и плачут, а курочка Ряба им ещё «соль на рану» подсыпает, в плане — фиг вам больше, а не золото, будете довольствоваться простыми продуктами моего производства, как все люди.

Вы думаете, это все вопросы, которые меня одолевали в то утро, отнюдь нет.

Отпуск, похоже, был испорчен и я постарался вернуться к думам о работе.

Так оказалось спокойнее для моего мозга.

Мучайтесь над ответами на эти и другие вопросы теперь вы тоже, а я пошёл готовить завтрак из ПРОСТЫХ яиц.

«Чудики» по Роршаху.

Проходил я как-то в молодости плановую военно-врачебную комиссию при госпитале. Причём посещение кабинета психиатра всегда вызывало у нас определённые чувства непонимания. В основном с вопросом — «Зачем»?

И, естественно, мы подшучивали друг над другом определённым образом согласно тематики. Так вот, врач на этот раз, помимо обычного вопроса типа как дела, сон или что-нибудь тревожит, мне начали показывать какие-то картинки. Я вначале подумал, что просто надо мной стебаются или кто-то из моих коллег намалевал эту чушь и подговорил врача её показать, чтобы посмеяться надо мной. Но врач был серьёзен и в дверь никто из моих сослуживцев не заглядывал. Как вы догадались, это был тот самый тест Германа Роршаха с десятью картинками. Дальше произошла беседа двух светских сумасшедших, которую я помню дословно.

На вопрос:

— Что вы видите на первой картинке? Я ответил честно:

— Кляксу чернильную.

Врач вновь меня спросил:

— Очертания вам этой кляксы ничего не напоминают, например, летучую мышь или бабочку?

— Нет, а вам напоминает? — всё ещё не веря в серьёзность вопросов, уточнил я.

Он достал другую картинку уже с состоящую из разноцветных клякс и снова поинтересовался:

— А сейчас?

— Кто-то пролил разноцветные чернила или пьяный художник уснул лицом в своих красках? — продолжал отвечать я.

Вы скажите, доктор, что вам от меня надо?

— Это тест на ваше восприятие окружающего мира и текущее психикоэмоциональное состояние, — ответил он.

Я сначала опешил, но потом пошёл в небольшое наступление:

— Хорошо, — сказал я, — если вы определяете моё психическое состояние по этим картинкам, а они наверняка существуют давно и повсюду, то любой психически неуравновешенный человек, зная, что нужно отвечать и видеть, спокойно пройдёт ваш осмотр, а когда натворит дел, вы легко всё спишете на эти картинки?

— Не всё так просто, молодой человек, эти методики отточены годами и на них учатся и работают уже многие поколения психиатров, — немного даже пафосное изрёк он.

— Отлично, — не унимался я. Пойдёмте, выйдем на улицу, и я вам укажу, к примеру, на облако. Они ведь тоже постоянно меняют свою форму и часто напоминают нам тот или иной предмет, но, по сути, они всё равно остаются продуктом конденсации водяного пара и ничем иным. Вот и ваши картинки, может, и напоминают очертаниями кого-то или что-то, но это кляксы на листке бумаги. Этак мы с вами договоримся до того, что я от вас выйду на улицу и начну фигурки воробьям показывать.

Он ничего не ответил, только развёл руками, а потом что-то написал в моей медицинской карте. Нам её на руки не давали, и только спустя несколько лет, когда, уже уволившись, я сумел в личном деле прочесть его заключение: "Отсутствие реакции и неспособность описать изображение на карточке, что означает наличие психологической блокировки или временное нежелание принимать данную сфе-ру.»

Вот и пойми, что это такое. Я, конечно, в своё время ради интереса почитал более внимательно об этом тесте и его заключениях по каждой карточке, но так и не понял, как можно судить о внутреннем состоянии человека по тому, что он видит в очертаниях клякс-зайчиков, слоников, людей или их головы, мышек и крабов с лобстерами. Сейчас уже слышу от кого-то ответ — «Вы же не психиатр и вам это недоступно».

А мне это вообще, зачем?

Случай в карауле.

Довелось мне на рубеже 80-х и 90-х годов после окончания военного училища попасть служить в Среднеазиатский военный округ, причём не где-то при штабе округа, а в самой достойной части, расположенной в районе таджикско-афганской границы. Я без иронии, часть действительно боевая и заслуженная, и большинство офицеров прошли афганскую войну, которая ещё шла, и были награждены боевыми орденами и медалями. Для меня, молодого лейтенанта, лучших наставников и не придумаешь.

Прошло некоторое время, я, как говорится, подбётёрся, втянулся в службу, и потянулись дни и месяцы армейских будней. Кто служил, тот знает, что это такое, а кто нет, так и заострять на это внимание не буду...

В один из дней, я, уже, будучи в звании старшего лейтенанта, заступил в караул внутри территории части. В связи с тем, что граница располагалась рядом и хоть война к тому времени на территории Афганистана закончилась, никто никогда не расслаблялся и службу несли, как положено, особенно в ночное время. Так вот, по внутреннему распорядку в части, время отдыха начальника караула было определено днём в районе обеда на два часа в комнате отдыха личного состава, то есть вместе с солдатами на деревянных топчанах. Кстати, после напряжённой и бессонной ночи спится лучше, чем на пуховых перинах. Передав помощнику начальника караула, то есть сержанту, полномочия на время моего отдыха, я отправился на вожделенный топчан покомарить пару часиков.

Проснулся я от какого-то шума и гвалта, а также чувства внутренней тревоги. В комнате отдыха было почему-то пусто, я вышел в помещение типа ленинской комнаты для бодрствующей смены, там тоже никого, но шум продолжал нарастать, и я ясно различал не просто смех, а какой-то дикий гогот. Естественно, полусонный и раздражённый тем, что меня, во-первых, разбудили, во-вторых, в караульном помещении по мере моего продвижения к выходу на улицу, не было ни души, даже в комнате для хранения оружия и связи с дежурным по части. Рванув дверь на улицу, выводящую меня в караульный дворик, я выскочил с твёрдым намере-

нием обматерить и наказать моего помощника, а затем и весь состав караула самым лю-тым способом, который только определяет дисциплинарный устав и даже больше... Выбежав во двор, я так и застыл с безумным взором и перекошенным от гнева лицом. Весь двор напоминал филиал дурдома в худшем его проявлении, потому что мои бойцы во главе с сержантом, находились в состоянии близкому к умо-помешательству. Мы тогда не знали о всяких экстази или ЛСД, но если бы имели представления, то я был в полной уверенности, что весь мой караул их принял и в большом количестве. Одни сидели на корточках, сложившись пополам, другие бегали по внутреннему дворику и безудержно хохотали и, даже завидев меня, не могли остановиться, тыча пальцами куда-то в район уличного туалета. Приглядевшись, я увидел следующую картину: один боец сидит в общевоинском защитном костюме, проще ОЗК и противогазе по грудь, прошу прощения, весь обмазан гоним, а второй со спущенными штанами забился в противоположный угол и трясётся. Вы видели когда-нибудь глаза бешеной селёдки? Нет? Так вот, они выглядят также, как в тот момент выглядели глаза этого солдата, безумные, бесцветные и навывае. Наконец, увидел своего сержанта и, схватив его за шиворот, спросил, в чём дело и какого чёрта здесь происходит? Мой помощник, периодически прерываясь, на очередной приступ смеха, поведал мне следующее. Тот солдат, который в ОЗК, проснувшись после положенного отдыха, направился в туалет, приблизившись к очку, расстегнул ремень и висевшие на нём подсумок с магазинами и штык-нож соскользнули туда, куда он собирался оправлять естественные надобности. Небольшое отступление, солдаты, особенно второго года службы, почему-то пренебрегали застёжкой на ремне и чаще всего от неё избавлялись, соответственно вместо застёжки, которая удержала бы предметы, висящие на ремне, делали просто дырку и за неё цепляли пряжку. Борьба с этим было бесполезно. Придя обратно в караульное помещение, он в панике, доложил об этом сержанту, и тот, чтобы это скрыть от меня, посоветовал ему сбегать в расположение роты, попросить у старшины ОЗК и противогаз, залезть через выгребную яму поискать упавшее, а потом, достав всё помыть, а когда я проснусь, как бы ничего и не было...

План был замечательный, но всегда есть место для, НО... Солдат всё в точности выполнил: сбегал, получил, переоделся, взял фонарь и залез в яму для поиска упавшего и сокрытия «преступления» от начальника караула, то есть меня.

В это время, другой солдат, проснувшись и совершенно не о чём не подозревавший, направился к месту оправления естественных надобностей к этому же помещению, именуемому туалет. Подошёл он к этому основательно, захватив с собой газету «Красное знамя» для обязательного прочтения всем солдатам (да-да раньше читали именно так) и сигареты для пушного комфорта. А как же иначе? Ведь прочитанный материал о боевых буднях других солдат страны обычным способом не дойдёт до сознания, только вместе с дымом от сигареты и в счастливом неведении отправился в свой на тот момент мини Эдем. Тем временем первый боец, ползая по груди в дерме, помимо без-успешных поисков подсумка с магазинами и штык-ножа, ещё и боролся с фонарём, который был на аккумуляторе, а тот, то постоянно гас, то вспыхивал и, наконец, окончательно сдох. Собирая все маты, которые существуют на свете, он решил выбраться из ямы и сходить в таком виде за другим фонарём, но вдруг сверху услышал какое-то шевеление, кто-то зашёл в туалет, а спустя некоторое время, вообще, стало темно. В этот момент второй боец, удобно разместившись и присев на корточки над очком, закурил сигарету и, развернув газету, приготовившись получать тройное удовольствие от окружающего бытия. Боец, который находился внизу, видя такое безобразие, потому что, итак, темно, а тут ещё и оставшийся свет заткнули, простите за выражение жопой с намерением нагадить ему на голову, дотянулся рукой до неё и по-доброму спросил: — Друг ты, во-первых, ненавали на меня своё дерьмо, а во-вторых, у тебя, случайно, спичек не будет? Единственное, что он забыл, так это про свой внешний вид, представляете такое чудо-юдо в зелёном резиновом костюме и

противогазе всё перемазанное дерьмом через этот же противогаз за-гробно-утробным голосом просит спички?

Всё, это клиника имени Кащенко без права выписки.

Как сидевший на корточках боец с диким воплем и со спущенными штанами в мгновение ока оказался в противоположном углу караульного дворика, никто объяснить не мог, но потом уже меня некоторое время помощник успокаивал от безудержного хохота и поил водой от икоты...

Постакадемический конфуз.

Кто проходил службу в армии в любом качестве, будь то срочная, по контракту или вообще посвятил свою жизнь армии, будучи офицером или прапорщи-ком, причём независимо от времени и места службы, то помнит, сколько рассказов, а попросту баек ходит в армии и на флоте. И зачастую слушая эти повествования, уже не понимаешь, где, правда, а где просто очередная байка. Причём рассказчик твёрдо уверяет, что, если это положительное событие, то произошло с ним, а нет, так с его близким знакомым и он зуб даёт, что так и было.

Вот и мне, служа в своё время в Советской Армии на офицерских должностях, доводилось не раз слышать подобное. Одну из таких и хочу поведать вашему вниманию. Передаю, как слышал без купюр и, естественно, от самого непосредственного участника событий.

Служил я в конце 80-х в Таджикистане в славном городе Кулябе, что недалеко от афганской границы. Будучи молодым лейтенантом, я как-то вступил в конфликт с начальником автослужбы полка капитаном Мезенцевым. Сразу оговорюсь, что конфликтом это вряд ли можно считать, он меня отчитал за плохое состояние резины машин, стоящих на хранении в боксе, я огрызнулся по поводу того, что они уже от старости рассохлись и видно ещё задолго до моего рождения, тот в ответ пообещал написать на меня рапорт командиру полка. В общем, обычные полковые будни. Капитан Мезенцев был в полку довольно-таки колоритной фигурой. Во-первых, по возрасту ему пора быть как минимум подполковником, во-вторых, он был любителем хорошо выпить, что ежедневно с утра отражалось на его помятом и красном лице, а также дурном настроении и, в-третьих, он был тучен и практически лыс, а остатки светлых волос закидывал на лысину и прикрывал фуражкой.

Я хоть и гоношился, но вскоре осознал, что дело пахнет нехорошостью и решил доложить об этом своему начальнику штаба майору Кравцову. Он хоть и был вроде как для меня начальником, но мы все служили и жили в обособленной части, а, следовательно, на бытовом уровне старшие офицеры относились к нам, молодёжи, несколько либерально. Поэтому вечером, взяв бутылку горячительного, я направился к нему в гости, благо он жил надо мной и не раз претерпевал стойко гулянки в моей холостяцкой квартире далеко за полночь. Изложив суть конфликта, я поинтересовался, как мне быть. На что он спокойно встал и велел следовать мне за ним. По дороге мы взяли ещё несколько «алкос-нарядов» и нехитрую закуску к ним и направились в сторону военного городка. У нас часть офицеров с семьями жили в городе, а часть на территории части, в так называемых финских домиках (до сих пор не знаю, почему они звались финскими), в общем, кому как нравилось. Дойдя до одного из них и постучавшись в дверь, я увидел, что на пороге возник наш начальник автослужбы и хмуро посмотрев на меня, спросил вроде того «Чего припёрся?». Тут на первый план выступил мой начальник штаба, и капитан слегка изменил выражение лица. Через минуту перешептывания нас пригласили в дом. Не буду описывать обстановку в доме пьющего человека, рассказ не об этом. После того, как была выпита первая бутылка и приступили к следующей, старшие товарищи закурили, и мой начштаба сообщил, что собирается летом ехать в Москву поступать в академию имени Фрунзе, чтобы дальше двигаться по карьерной лестнице. На что капитан Мезенцев тяжело вздохнул и влив в себя очередную порцию горячительного, произнёс:

— Я ведь тоже в своё время поступал в академию, но, увы, не прошёл по конкурсу.

Я набрался смелости и поинтересовался, когда это было и как вообще всё происходит. Чистое любопытство, а вдруг когда-нибудь и мне придётся поступать. Он махнул рукой и, внимательно посмотрев на меня, сказал:

— Лейтенант, тебе ещё далеко до этого, давай я лучше расскажу, что со мной приключилось после, только ты не забывай про тару на столе, чтобы пустой не стояла.

По выражению лица майора Кравцова, я понял, что сейчас услышу что-то не раз поведенное в компании, но с новыми подробностями.

Итак, приехал он поступать в академию и, сдав экзамены, узнал, что его по каким-то критериям не приняли. Оценки были неплохие, но что-то было в личном деле или психологическом тесте, в общем, сказали ехать служить дальше Родине без надежды стать большим начальником. В то время, по его словам, он был высоким и стройным блондином, приятной наружности и как всякий офицер, приударил за одной лаборанткой на военной кафедре. Ухаживания продолжались весь период сдачи экзаменов, и только, когда он понял всё, пора уезжать, осмелился её пригласить в ресторан, с надеждой, а что, а вдруг... Девушка неожиданно согласилась, и они условились, что вечером он её встретит у академии и они где-нибудь посидят. Вечером капитан встретил свою даму, и они направились в кафе неподалёку. Официант посадил их за столик и принёс меню. И вот тут Мезенцев увидел первую засаду, из спиртного было только шампанское, из закусок пирожные и мороженое.

Он намекнул своей спутнице, что может, поменяем место дислокации? На что она ответила отказом, обосновав, что это её любимое кафе. Заказали всё по меню. Но для организма капитана было маловато градуса в напитке, и он решил взять количеством. В общей сложности за вечер было приговорено почти шесть бутылок шипучего напитка. А вы сами понимаете, что особенно на не совсем сытый желудок шампанское в организме вызывает скопление газов, и им, естественно, нужен выход. Но как это сделать в данной ситуации он не знал. Расплатившись с официантом, он хотел направиться в туалет, но там была небольшая очередь, а заставлять ждать даму по такому поводу, было несколько неуместно. Неожиданно она предложила ему проводить её до дома и зайти к ней на чай. Он спросил вежливо, думая, естественно, в данный момент вовсе о другом: удобно ли это в столь поздний час. Она ответила, что да, потому как её сестра с мужем уехали в Подмоскovie на дачу и дома никого нет. Другой бы прыгал от счастья, лучшего развития сюжета и быть не может. Но мы то с вами помним, какие тревожные процессы сейчас происходили в организме капитана. В его голове тут же созрел план, он предложил поймать такси с мыслью, что, открыв дверь и посадив даму, он пока будет обходить машину с другой стороны, выпустит чёртовы газы из организма. Но, не тут то, было. Его знакомая сказала, что вечер чудный, а живёт она по московским меркам недалеко и неплохо бы прогуляться. Проклиная всё, а в первую очередь того, кто изобрёл шампанское, капитан брёл уже как в бреду, сжимая ягодицы так, что казалось они скоро сомкнутся в одно целое. О чём они беседовали по пути, он естественно не помнил, да и как упомнишь, если мозг находился на тот момент ниже спины. Когда дошли до двери подъезда, была предпринята вновь слабая попытка, пропустив её вперёд, и осуществить задуманное. Но сегодня, похоже, был не его день, потому что навстречу спускался сосед с какой-то давкой на поводке и собаки с их хозяевами также попали в его список врагов навсегда. Дальше всё было как в замедленном кадре кинофильма. Они вошли в квартиру, и дама, пройдя в ванную, сука, совмещённую с туалетом, предложила пройти ему в комнату, пока она помоеет руки и потом приготовит чай и закуски. «Пердеть наверняка ушла» — с каким-то даже шлейфом ненависти, подумал он и быстро вошёл в комнату.

Таких звуков и трелей от своего организма он не слышал не до не после. Такое ощущение, что из него выходили все газы мира согласно таблице Менделеева. Когда он закончил, наступил такой кайф, который он не ощущал никогда и не с кем. Но, вдруг он почувствовал, что у него слезятся глаза, и в комнате стоит запах как будто кто-то умер, протух и, причём давно. Он

ки-нулся к окну и распахнул его полностью, затем разглядел в тёмном углу комнаты диван и, сдёрнув с покрывало, начал размахивать им в сторону окна, скрывая последствия своей химической бомбардировки. Параллельно, краем уха он уловил шаги в коридоре и голос своей дамы, что всё готово и она идёт. Быстро швырнув покрывало в сторону дивана он подошёл к окну, вроде как любуясь ночной Москвой.

Она зашла в комнату со словами:

— Ты почему в темноте? — и включила свет. Он обернулся и... Картину, которая предстала перед его глазами, он сказал, что умирать будет, не забудет.

На диване, куда он бросил покрывало, прижавшись к стене спиной и, натянув его до подбородка на него смотрели две пары глаз, полные какого-то животного ужаса.

— Познакомься, дорогой, это моя сестра с мужем, — проворковала его дама.

— А вы что не уехали на дачу?

— Давайте пить чай с нами, — не унималась она.

Он молча дошёл до вешалки, взял фуражку, пробормотал что-то типа «извините» и спешно ретировался. Вместо ночи страстной любви он произвёл в чужой квартире химсалют, о чём оставил неизгладимый след в памяти этих людей.

Когда капитан Мезенцев закончил свой рассказ, я, с глазами, полными слёз от хохота, не мог вымолвить ни слова. Майор Кравцов тихо посмеивался в свои усы, наверное, он уже это не раз слышал, но рассказчик был вновь в ударе.

— Ну-с, молодой,—обратился капитан ко мне, разливай остатки и пора по домам, завтра служба.

Поликлиника.

Довелось мне тут на новогодние праздники угодить прям из-за праздничного стола на больничную койку. Нет-нет, не потому про что вы, наверное, подумали, этого как раз было немного и в меру.

Во-первых, компания была давно спитая и знающая свои алкогольные возможности, во-вторых — времена безудержных пьянок и салютов в силу уже немолодого возраста, а нам есть уже чуть за 50, прошли и мы чинно и благородно с виски и красным вином под прекрасные закуски отмечали очередную смену года и, соответственно, своё приближение к порогу «старости». Так вот, случился со мной медицинский казус, и я вместо продолжения праздника со следующими планами поехать всей компанией в Крым и продолжить радоваться жизни уже там, угодил с острым флеботромбозом нижних конечностей в больницу. Не буду описывать все перипетии наших больниц, да и кто был, знает, а кто нет, зачем расстраивать, да и речь не об этом... Выписался я в аккурат после всех праздников под наблюдение своего врача, а с ним мне, правда, повезло, опытный и строгий попался, да и неплохой психолог. Мы же все орлы до определённого момента, и нам кажется, что все эти истории про внезапно умерших от несоблюдения режима реабилитации не про нас, мы другие и нас это не коснётся... Но врач меня так убедил на примерах из его многочисленной жизненной практики и наложил такой безапелляционный запрет практически на всё, что ранее доставляло мне радость чревоугодия, что я понял, здесь точно шутить не надо... Расставаясь с ним, мы договорились, что я раз в три месяца буду приходить к нему на приём и он будет смотреть на меня и делать выводы о моём текущем состоянии. А также он заметил, что ведёт приём в одной из поликлиник города и уточнив, где я проживаю, заметил, что как раз в этой поликлинике он и подрабатывает раз в неделю.

Хочу сделать небольшое отступление и сказать, что в силу жизненных обстоятельств, я ни разу ни в какой поликлинике на учёте не состоял (детский возраст я не беру в учёт). То есть, дожив до пятидесятилетнего возраста, я вступал на территорию «Терра инкогнито»...

В один из солнечных дней, прогуливаясь по набережной (терпеть не мог ходить пешком, но врач прописал и мне стало нравиться), я набрался решимости и решил дойти до заведения,

которое именуется поликлиника. Я, конечно, слышал об очередях и не совсем адекватных работниках регистратуры и прочие ужасы, но всё-таки подумал, что сейчас такого, наверное, нет и можно спокойно записаться через интернет, послать документы в электронном виде и потом к назначенному часу прийти на приём к врачу... Ага... Сейчас...

Так вот, зайдя в это учреждение и выстояв относительно небольшую очередь, я попытался выяснить на каком Интернет-ресурсе мне это проще всего сделать. На что мне подали список документов, копии которых я должен был принести в приёмную главврача, там их заверить, потом обратно выстояв очередь сдать в регистратуру и только тогда на меня, заведут учётную карточку и запишут на приём к нужному мне врачу. Я спокойно всё это выслушал, потому что принял внутри себя жёсткое решение идти до конца и не психовать. На следующий день, собрав по списку все указанные документы, я прибыл обратно в поликлинику и отправился в приёмную для регистрации копий и постановки печати о приёме документов. Опаньки, вот здесь ждала первая засада. Изучив мои документы, секретарь спросила:

— А почему вы прописаны в другом районе города, а на учёт встаёте к нам?

На что я ответил, проживаю как раз в вашем районе, ну а что прописан в другом, так вчера ваша со-трудница в регистратуре смотрела мой паспорт и ничего не сказала, хотя я ей проговорил на эту тему проживания по факту и прописки. Дальше последовало предложение обратно вернуться домой, взять выписку из кадастра, подтверждающую, что я действительно живу и владею недвижимостью в их районе. Вы помните, что я решил не психовать, так вот, я начинаю вас обманывать, это началось...

На следующий день, вооружившись всеми документами, которые были у меня, включая свидетельство о рождении, а также о разводе и новом браке, я отправился к так «полюбившемуся» за последние дни зданию. На это раз, наверное, видя моё не совсем дружелюбное лицо, мне в приёмной поставили все печати и отправил обратно в регистратуру. Выстояв вновь очередь и прослушав все медицинские заболевания, которые только существуют на свете от стоявших со мной в очереди жителей города более старшего поколения, я подал в окошко свои документы... Дальше даже я не ожидал развёртывания событий. Посмотрев все, что я принёс, женщина по ту сторону стекла (всё-таки, наверное, правильно, что они за толстыми стёклами от нас), мне спокойно сказала:

— «Знаете, у нас сейчас нет чистых карточек, поэтому или ждите и придёте, когда они поступят, или сходите через дорогу в магазин „Канцтовары“ и приобретите там тетрадку на 36 листов, а я её обклею и заведу вам карточку...»

В этот момент я почувствовал, что вдоль моей черепной коробки формируется небольшой округлый разрез, напоминающий крышку чайника и ещё секунду его сорвёт и мозг в виде кипящей лавы выплеснется наружу. Я, ничего не отвечая, молча повернулся и направился к выходу, однако, вслед услышал следующее:

— Кстати, вы можете потом без очереди подойти.

На негнущихся ногах, не обращая внимания на летящий мимо транспорт, я пересёк дорогу и вошёл в указанный магазин. Не знаю, как я выглядел со стороны, но охранник при моём виде начал вести себя странно и вспомнил, что ему платят за охрану хозяйского добра, хотя я не знаю таких идиотов, кто грабит магазины канцтоваров. Походив по рядам с товарами и немного успокоившись, я обнаружил, что тетрадей на 36 листов нет, видно, не я один здесь бываю из здания, напротив, и, наверное, не удивлюсь, если окажется кто-то из владельцев магазина родственником руководства поликлиники. Подойдя к продавщице, я уточнил про необходимый мне товар, на что она мне заметила:

— Да, тетрадок, таких как вам нужно, нет, возьмите на 48 листов, они тоже подойдут...

Я впал в ступор. Дальше продолжался разговор двух светских сумасшедших:

— Позвольте мадам уточнить, для чего подойдут?

— Ну как же, месье, вам ведь нужно для того, чтобы завести учётную карточку в поликлинике...

— Ну да, мадам, только вот мне почему-то милая женщина в регистратуре особенно подчеркнула роль 36 листов для дальнейшего спокойного и беспрепятственного оформления сего важного документа...

— Ах, полноте, уважаемый, я знаю, о чём говорю, и сейчас в тот же час подберу вам нужную тетрадку, причём направленность рисунка на ней не так уж важна, ведь её всё равно заклеят.

Пообщавшись примерно в этом стиле, но, естественно, другим, более современным языком и приобретя вожаденный предмет, я обратным курсом, то есть опять через автодорогу, направился к поликлинике. Войдя в здание, я без удивления обнаружил опять очередь сразу в несколько окошек. Причём народ, стоявший в этих очередях, был опять же несколько старше меня или женщины и я, соответственно, воспитанный во времена октябрят и пионеров никак не мог залезть наглую крича, что мне разрешили это сделать и я здесь уже как родной. Единственное я попробовал как-то ускорить процесс и встал к той же «милой женщине» искренне надеясь, что она меня заметит и пригласит раньше, чем я дождусь обслуживания всех впереди стоящих людей. Я по-прежнему был наивен... Это было ещё не ВСЁ...

Вновь отстояв очередь и когда до, так манящего окошка оставался один человек передо мной, вдруг эта «милая женщина» встаёт и говорит:

— У меня технический перерыв, и я пошла пить чай, поэтому больше не занимайте очередь, а те, кто стоял в этой, перейдите к другим окошкам регистратуры...

И чудо, люди безропотно практически все так и сделали. Я говорю почти, потому что нашёлся один смельчак, который бросил вызов этому б... ву. С гордостью называю его это — Я... Мой монолог звучал примерно так:

— Миледи, если вы сейчас не соизволите обратно опустить ваш великолепный зад, а попросту "жопу" обратно на рабочее место и завести так жизненно важную для меня эту чёртову карточку, то не поленюсь вас вытащить за ноздри через это маленькое окошко сделать ведёрную клизму в виде горячего чая, сорт которого по вашему выбору приобрету в любых количествах...

В воздухе повисла мёртвая тишина, по-моему, даже на верхних этажах поликлиники все врачи прекратили на время приём, а больные почувствовали себя значительно лучше и люди рядом в очередях одобрительно мне закивали в поддержку. Дальше последовал ответ, который окончательно меня убедил, что я, прожив столько лет, всё равно ничего не понимаю в этой жизни.

— Молодой человек...— (это я-то молодой?)

— Что вы так расстраиваетесь?

— Ладно, не буду пить чай, сейчас вас прим, а потом попью, тем более он ещё не закипел.

— Давайте вашу тетрадку.

Я шёл обратно домой с полным ощущением, что не понимаю кто в этой ситуации дурак и что меня, похоже, «поимели», причём не снимая штанов, и я человек, с тремя высшими образованиями был настолько жалок, что был противен сам себе.

Кстати, я на следующий день узнал, что мой лечащий врач уволился ещё две недели назад из этой по-ликлиники...

Глава 2

Рассказ о великом одиночестве.

Есть люди о которых, как нам кажется, известно всё, они постоянно на слуху, о них написаны многие сотни книг, поставлены десятки кинофильмов, созданы многочисленные телепередачи, не один десяток историков написал научные диссертации и заработал себе имя, о них собраны многие тысячи архивных документов и свидетельств современников, они разобраны по косточкам и «просвечены» рентгеном вдоль и поперёк и всё равно эти люди остаются загадкой истории. Для меня таким человеком является один из самых выдающихся и загадочных людей 20 века — ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ).

Начиная рассказ о нём, я понимаю, на какую опасную территорию я пытаюсь вступить и какие возражения, а по сути негодования могу получить в ответ на это, но сразу хочу оговориться: я буду писать о своём ощущении и мнении о этом человеке, исходя из своего видения и, отталкиваясь от того многообразия материала прочитанного и просмотренного мной за всё время, когда я впервые услышал имя Сталин.

Я уже отметил выше, что из того многообразия сведений об этом человеке, исследования его личностных качеств, характера и внешних черт, очень трудно уловить его суть, понять, кем он был. У каждого писателя или кинорежиссёра он разный, и я не видел ни разу полной глубины его характера, он какой-то, как пра-вило, однообразный, как штамп в паспорте. Вся информация подаётся или строго отрицательная, или в превосходной степени, даже не пытаюсь разглядеть за всем этим человека. А где сам Сталин? Тот человек, который, по сути, определял судьбы народов мира и не мог навести порядок у себя дома, тот человек, при упоминании имени которого многие цепенели и их охватывал панический ужас и которые потом искренне плакали о нём после ухода...

Историк и драматург Эдвард Радзинский в своих повествованиях о Сталине как-то сказал, перефразируя выражение английского историка о Кромвеле: Велик ли Сталин? — Велик. Но каков злодей.

Он и не мог быть другими, вся его жизнь — сплошная череда случайных и непонятных событий и явлений, которых хватило бы на нескольких человек, отсюда и ореол таинственности и мистики, связанных с его именем. Он даже родиться не мог просто и незаметно, будучи третьим ребёнком в семье, где два предыдущих умерли в младенчестве, он появился на свет уже некоторыми дефектами врождёнными, чем отличался от своих сверстников. Дата его рождения была неточна и всё ещё есть по ней споры историков, национальность то ли грузин, то ли есть осетинские корни, отец Виссарион то ли родной, то ли нет. Часто напиваясь и поколачивая его и свою жену, а потом и вовсе покинув семью, он тем самым опять дал почву для размышления об истинном происхождении Иосифа. И таких загадок впереди в жизни Сталина будет много. Но обо всём по порядку. Я уверен, что в силу своих не особо выдающихся физических данных, а также неблагоприятной обстановке внутри семьи маленький Иосиф или Сосо, как его звали, особой популярностью у сверстников не пользовался и, вероятнее всего, был объектом насмешек и издевательств. Он наверняка стремился меньше бывать дома, а больше играть со сверстниками, но встречая непонимания с их стороны, начинал потихоньку замыкаться в себе, внутренне озлобляться по-детски, вначале на свои дефекты, а потом на своих сверстников, завидуя их силе и подвижности, соответственно, когда ребёнок не играет в игры, он начинает размышлять над тем, как сделать так, чтобы его заметили, как стать предметом внимания тех, кто сейчас относится к нему с презрением или вовсе не замечает. Как всякий ребёнок он понимает, что это достигается только с помощью таких хулиганских выходок, о которых нормальные и здоровые дети и не думают, но совершив их, он будет на равных с ними или выше, а соответственно его заметят, с ним будут общаться, его будут слушать. И он их совершает,

за что будет бит не раз и нещадно уже души в нём нечаявшей матерью. И чем чаще она его наказывает, тем чаще он их совершает, тем стремительнее растёт авторитет среди сверстников. Он уже не дефективный Сосо, он в доску свой Иосиф, с ним интересно, он постоянно что-то придумывает, ему нельзя останавливаться, он с детства понимает, что друзей у него нет и никогда не будет, что все, кто рядом только для того, чтобы он их веселил как шут и находил им развлечения, и это его по-своему раздражает. Впоследствии, когда он станет во главе государства, многие из его друзей детства будут либо уничтожены, либо просто сойдут на нет, а те, кому удалось увидеться с ним, не получают никакой помощи и после разговора с ним будут до конца его или своей жизни существовать в страхе. Обычно исследователи, описывая это пренебрежение Сталина к своим друзьям детства, ссылаются на то, что он был человеконенавистник и прочим злодеем, который ненавидел всех и вся, нет, он просто ничего не забывал, помнил, какие обиды и кто нанёс ему в детстве и что ему пришлось перетерпеть, как ему пришлось ломать себя, чтобы эти маленькие мучители благосклонно смотрели на него. Нет, он их специально не травил и не давал приказы уничтожить, он знал, что система, созданная им, сама перемелет одних и, заставит дрожать других, он как очень умный человек знал простую истину про месть и холодное блюдо...

Я думаю, основная причина, почему его мать настояла и отдала на обучение в православное училище, а затем и духовную семинарию было желание вырвать его из среды, в которой он адаптировался и начал набирать силу, отправить его подальше от всего этого она видела, что её сын превращается в умного и изощрённого молодого человека, встающего на путь криминала, и понимала, что только духовное просвещение может убить в нём эти задатки. Как же она ошибалась... Иосиф всегда стремился через знания постичь и достигнуть совершенства, и семинария открыла ему путь к этому. Изучая церковные науки и постулаты христианства, он осознавал, что мир устроен по-особенному, что только будучи умным и красивым ничего не добьёшься в жизни. Нужно как Христос и его сподвижники чем-то жертвовать от чего-то отказываться в этой жизни и только тогда достигнешь своих целей, а она у него была одна — быть выше других во всём. Но жертвовать собой, как человек замкнутый, в меру циничный и самовлюблённый он явно не собирался. Зачем? Для этого есть другие, надо только правильно расставить приоритеты, впитать в себя накопленные знания предыдущих поколений и применить их на практике. Помимо обязательных наук, по которым он неплохо успевал, у него появилась возможность знакомиться и с другой литературой, расширяющей его кругозор, а будучи, как мы помним, человеком замкнутым, у него, было предостаточно времени для посещения городских библиотек и книжных магазинчиков, где он и познакомился впервые с произведением Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которое я думаю, наложило один из первых и самых сильных впечатлений на него. Как всякий человек, досконально копающийся в самом себе, он был немного согласно возрасту романтиком и, соответственно, пописывал небольшие стихотворения, мы же помним, что выдающийся внешностью он никогда не отличался, а время было подростковое и пора было ему обращать внимание на девушек, которые вряд ли отвечали взаимностью и здесь он опять начал применять свой отработанный во дворе метод, привлечь к себе внимание благодаря неординарности, то есть поэзии. Но вернёмся к поэме «Витязь в тигровой шкуре», чем же она юного Иосифа зацепила так крепко, что до конца жизни оставалась одним из самых любимых произведений? Хотя сама поэма в первую очередь о любви и верности, дружбе и предательстве, о невзгодах и прелестях самой жизни и заканчивается она хорошо, все счастливы и довольны, я думаю, Иосиф в ней увидел, образ негибнущего война, который, несмотря на все испытания и жизненные ненастья, будучи в своё время внутренне одинок и покинут всеми, выстоял и добился своего. Он видел себя в этом воине, но только ему не нужны были для этого друзья, в них он видел временных помощников, которые были средством для достижения цели, но ими нужно было обзавестись на время. Естественно, духовная семинария ему для этого не подходила, путь праведника и православного священника не то,

что приведёт его на вершину славы, а о власти он пока не думал. Как я выше уже писал, что вся жизнь Сталина состоит из воли случая, поэтому в это время как раз Тифлис был одним из мест высылки марксистки настроенных людей, которые и здесь продолжали свою деятельность, а так как на путь криминальный он становиться не мог по двум причинам: во-первых, учёба в семинарии всё равно наложила отпечаток в сознании о добре и зле, а во-вторых, он был уже достаточно взрослым и понимал, что уголовный путь — это опасно и слава сомнительная и недолгая. А здесь сочеталось всё и борьба за добро, и счастье народа, и опасность был пойманным, а поэтому работа конспиративная и до мурашек по телу жутко опасная. Ощущение прилива адреналина, как наркотик, риск быть пойманным и, конечно, выглядеть этаким героем в глазах противоположного пола (мы же не забыли, что он был юн и не совсем внешне привлекателен). Естественно, перед ним встал окончательный выбор -уйти из семинарии и полностью окунуться в опасную жизнь революционера за права бедных и угнетённых (иным он себя и не видел) или закончить учебное заведение и проститься с мечтой о славе и известности в его понимании. Его выбор был сделан в пользу первого, чем явно была огорчена его мама, и как мы знаем, отношения их были натянуты до конца её дней, она его так и не простила, несмотря на то, кем он впоследствии стал. Она хотела видеть в нём Иосифа — священника, дающего людям покой и радость, но никак Иосифа — правителя, несущего пусть и не всем, но всё же скорбь...

Он был далеко не глуп и начитан для того времени и своего возраста, как богословской, так и мирской литературой и понимал, что рай на земле для всех это утопия, так не бывает и не будет, что его новые товарищи или как они его считали соратником по борьбе в своём подавляющем большинстве, наивны, мне кажется, он с самого начала не верил в конечный результат, это было для него новым приключением, способом быть на виду, отвлечься от мысли оставаться в одиночестве со своими думами о своём смысле существования. Здесь надо было себя проявить, зарекомендовать как не просто рядового члена подпольной ячейки, а лидера, он не может быть на вторых ролях, он должен быть центром внимания, всё должно крутиться вокруг. Поэтому мы имеем столько сведений о его бурном начале революционной деятельности, а по-простому он отрабатывает своё влияние уже не только на отдельные личности, а пробует силы в привлечении и убеждении всё более крупные группы людей, и для этого у него есть всё. Те задачи, которые ему ставят и связаны, чтобы постоянно контактировать с людьми различных слоёв общества и взглядов, а то, чему его обучали последние годы в семинарии, и знание силы слова (как на проповеди), учили, тогда, как мы понимаем очень неплохо, позволяет внятно и доходчиво доносить это слово до слушателей. Но духовная пища хороша вместе с материальной, здесь опять у него есть опыт, пусть и детской стадии становления, но он помнит свои хулиганские вылазки по садам и домам соседей, а почему это не применить уже по-взрослому. Да, этот криминал от которого он ушел, но ведь это на благое дело, для победы революции и освобождению всех угнетённых, он же будет брать не у них, а у тех, с кем борется, да и он понимает, что подполье — это не способ достижения его цели в плане популярности и славы, эта мышинная возня с листовками, стачками, тайными сходками остаётся вдалеке от общества, ему это не подходит, надо чтобы гремело и стреляло и он сам или в составе таких же, как он отчаянных и безбашенных (это слово не для него, он то всё продумывает) товарищей по партии совершает ограбления, затем убийства, которые гремят уже по всей Российской империи. Эта жизнь, полная романтики и приключений всё больше увлекает его, смена мест, встреча с интересными людьми, новые знания и ощущения от жизни, но он понимает, что способен на большее, ему уже тесно здесь, на Родине, он осознаёт, что жизнь кипит там в центре Российской Империи и в самой Европе. Для этого надо, чтобы его заметили из центра и он усиливает акции по ограблению и высылаёт всё больше денег на партийные нужды, и его замечает сам Ленин, то есть новое олицетворение Мессии, по его понятию, на земле, а ему надо любым способом стать одним из приближённых, то есть апостолом. Поездки за пределы своего региона, а особенно за границу убедили его в том, что меняться надо не только в обра-

зовательном, внешнем (стиль одежды, манеры), но и в семейном плане, чтобы его не рассматривали как сельского дикаря, спустившегося с гор за солью, а благообразного члена общества (естественно, только всё внешне). И он женится. Но просто взять обыкновенную девушку он не может, он же тот воин в тигровой шкуре, у него должна быть особенная возлюбленная не из его сословия, как минимум дворянских кровей и обязательно красавица. И он её находит, и она знает какой он бесстрашный и отважный, и внешность его невзрачная отходит на второй план, и ему теперь есть, чем гордиться. А когда рождается сын вскоре, он просто счастлив, всё идёт по плану, всё складывается в его пользу. Он любим, пользуется уважением товарищей по партии, есть перспективы дальнейшего продвижения вперёд. Но внезапная смерть жены будто током ударила, он как новая машина при испытании на треке, только начал разгоняться и тут же врезался в стену. Он не любит, когда срываются планы, он не привык терпеть неудачи, они его вводят в бешенство, даже ребёнок не остановит с намеченного пути, если он помеха, значит, от него надо дистанцироваться, в этой неудаче Иосиф винит всех, но не себя, апостол не может ошибаться, значит, это всё подстроено другими, значит, они понесут наказания и поверьте мне понесли и сын, и родственники жены, он умеет ждать и помнит всё. В определённый этап и время своим очередным безразличием к их судьбе, он их уничтожит, конечно, опять не своими руками, создаст пред-посылки для действия других с его молчаливого согласия. Ему надо время прийти в себя немного поразмыслить, но он втянут в бурную деятельность, он стал одним из важных звеньев их революционной борьбы, значит, надо совместить приятное с полезным. Он знает, что ещё большим уважением в его среде пользуются люди с опытом ссылок за политические убеждения и его ловят, что с его умом и на-ходчивостью является почти невыполнимым для царской жандармерии, значит, он сделал это возможным и отбыл в далёкую Сибирь, где появилась возможность побыть наедине с собой, всё обдумать для дальнейших действий, а заодно и заработать себе очков на будущее. Я не думаю, что он и тогда верил в победу идей своих товарищей по партии, но круг знакомств на будущее себе расширял, находил единомышленников, заручался поддержкой их на перспективу. Он уже не мог выйти из этой среды, здесь всё было поставлено, хотя я уверен план «Б» у такого, как он человека явно был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.